

Л. В. Первушина

ТВОРЧЕСТВО М. СЕДНЁВА В КОНТЕКСТЕ ЛИТЕРАТУРЫ БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ США

В конце XX и начале XXI в. феномен литературы эмиграции приобретает особую актуальность в связи с развитием национально-культурных процессов и движений, вниманием к этнорасовому многообразию, полилингвизму и новому опыту культурного плюрализма. Возрастает значимость интеграционных межкультурных тенденций, которые соседствуют с фрагментацией, дроблением и локализацией [9, с. 22], что усиливает значимость этнического разнообразия, культурных различий, категорий «инаковости», «друговости».

Литература белорусской эмиграции в США, или «американская белорусская литература» (данный термин введен В. Кипелем – ученым, исследователем белорусской эмиграции) [2, с. 481], утвердилась лишь в 1950-е гг. и стала частью художественного пространства США. Она создавалась писателями, которые были признаны в Беларуси, – Н. Арсеньевой, Ю. Витьбичем, А. Змагаром, Я. Золаком, М. Кавылем, В. Клишевичем, Р. Крушиной, Я. Юхновцом, С. Ясенем и др. Именно их деятельность свидетельствует о появлении американской белорусской литературы как развивающегося, самостоятельного значимого явления в общекультурной словесности США. По мнению известного белорусского литературоведа Л. Д. Синьковой, «американский культурный контекст немало способствовал развитию белорусской литературы XX века, прежде всего, благодаря творчеству писателей-эмигрантов» [6, с. 93]. В настоящее время белорусская литература в эмиграции рассматривается как значительная часть общенациональной письменности Беларуси, а в стране созданы все возможности для всестороннего и объективного исследования наследия бело-русских эмигрантов, белорусской эмиграционной книги и печати, которые «сложились как уникальное явление белорусской культуры» [1, с. 184]. Восстанавливаются забытые и недооцененные имена, возвращаются произведения, таким образом возобновляя контекст мировой литературы.

Художественное творчество писателей белорусской диаспоры в США раскрывает специфику становления этнической белорусской литературы в зарубежье и исследует принципы литературного отражения экзистенциальной картины мира. Оно демонстрирует особенности мышления эмигрантов и выявляет особенности ассимиляции, аккультурации, а также специфику сопротивления культурной и языковой адаптации эмигрантов в инокультурной, чужой среде принимающей страны. Произведения писателей-эмигрантов являются важным источником информации о своеобразии национальной белорусской культуры, о специфике национального самосознания, проблемах института эмиграции и происходящих культурных и социально-политических процессах

современности. Литературная деятельность писателей послевоенной белорусской эмиграции – феномен, который выявляет особенности создания художественных произведений в специфических исторических и социокультурных условиях принимающей страны эмиграции, когда все уровни сознания, мышления, психики, мировосприятия творческой личности подвергаются определенному воздействию/трансформации в связи с вхождением в другую, иную, культурную и литературную территорию.

Ряд факторов во многом определяют национальную и культурную самоидентификацию американских белорусских писателей. Для художественных поисков писателей белорусской диаспоры прежде всего характерно глубокое постижение своей культурной и национальной идентичности. Художественные поиски белорусских авторов-эмигрантов послевоенной волны отличаются белорусоцентричностью, пристальным вниманием к родной культуре, стремлением сохранить ее и раскрыть особую красоту. Мировоззренческая позиция писателей раскрывается через исследование внутреннего мира лирических героев на основе оппозиций «свой» – «чужой», «родина» – «чужбина», «дом» – «изгнание», «здесь» – «там», Старый и Новый Свет.

Для белорусской диаспоры в частности, в силу особенностей исторического прошлого, традиционен монолингвизм. Очевидно стремление авторов к определенной «консервации» белорусской культуры и языка, к монолингвизму. Поэтому особенностью творческих поисков писателей послевоенной белорусской эмиграции является создание литературы на белорусском языке, т.к. очевидна сознательно внутренне сформированная установка авторов писать о своей родине для соотечественников и белорусской диаспоры. Монолингвизм становится частью национальной идентификации писателей-эмигрантов и подчеркивает ностальгическую модель их вхождения в новую территорию принимающей страны. Он раскрывает специфику национального в инокультурном; подчеркивает «свое» – особенное, значимое, важное, отличающее в «чужом». Монолингвизм также свидетельствует о незначительном влиянии иноэтнического, мультикультурного на мышление писателей белорусской диаспоры. Стремление говорить на родном языке и использовать его широко во всех сферах жизнедеятельности общества в США было обусловлено необходимостью для белорусских писателей сохранения языка и проблемой выживания его носителей.

Среди авторов послевоенной белорусской эмиграции в США большой интерес представляет творчество Масаея Седнёва (1915–2001) – известного поэта, прозаика, публициста, переводчика, значимого представителя литературы белорусской эмиграции в США, «одного из самых талантливых и популярных писателей белорусской эмиграции» [4, с. 460]. Имя писателя включено в Британскую и Польскую энциклопедии, «а в 1989 году его творчество номинировалось на Нобелевскую премию» [3, с. 416]. Весь творческий путь М. Седнёва является отражением непрерывной последовательности различных этапов

эмиграции. Американский период его литературных исканий состоит из двух стадий. Как и многие другие писатели белорусской эмиграции, которые находились в лагере для перемещенных лиц в Германии, Седнёв эмигрировал в США в 1950 году. Первая стадия американского периода ограничена временными рамками 1950–1969 гг. С 1969 г. по 1983 г. М. Седнёв жил в Европе (мюнхенский период творчества М. Седнёва), затем вернулся в США и поселился в Глен Кове – пригороде Нью-Йорка. По мнению белорусской исследовательницы Л. С. Савик, наиболее продуктивным в творческом отношении для М. Седнёва, стал именно этот последний американский период литературных исканий [3, с. 439].

В США вышли книги Седнёва «Ля ціхай брамы» (Нью-Ёрк, 1956), «Патушаныя зоркі» (Мюнхен – Нью-Ёрк, 1975), «Ачышчэнне агнём» (Глен Ков – Нью-Йорк, 1985), «А часу больш, чым вечнасць» (Глен Ков – Нью-Йорк, 1989). В это время были созданы романы «Раман Корзюк» (1985) и «*I той дзень надыйшоў*» (Глен Ков – Нью-Йорк, 1987). Важным событием стала публикация труда М. Седнёва «Масеева кніга» – сборника писем, воспоминаний, эссе, публицистических и критических статей, в которых автор осмысливает свой творческий путь и подводит своеобразный итог своим исканиям. М. Седнёв также известен переводами избранных произведений украинских поэтов на белорусский язык (1989).

Определяющим творческим импульсом всего наследия М. Седнёва является ностальгия по прошлому, ощущение одиночества, которое сопровождалось тоской, неприкаянностью, отчуждением от нового общества. Ностальгия, проявившая себя в его поэтических и прозаических произведениях, может быть определена не только как внутреннее состояние самого автора и его лирических героев, но и как «высоко продуктивный инструмент создания литературного текста, и как особое стилистическое средство» [10, с. 32]. Ностальгией по своей стране окрашены мысли и чувства М. Седнёва и лирических героев его произведений, а многочисленные ностальгические мотивы (тоска по родине, сохранение и соблюдение культурных и языковых традиций и др.) способствуют передаче мироощущения эмигранта, его глубинных бессознательных импульсов внутреннего мира и подчеркивают драматичность и трагедийность разрыва жизненно необходимых социально-культурных и психологических связей с родной стороной. Основной мотив творчества писателя – «возвращение домой», «оказаться там, где родился, где жил, откуда началась принудительная эмиграция» [5, с. 7]. Как и для многих писателей белорусской эмиграции, для творчества М. Седнёва характерен автобиографический импульс (как открытый – внешний, так и внутренний – опосредованный, психологический; иногда исповедальный), который позволяет открыть душу автора.

Национальная самоидентификация М. Седнёва, как и у других писателей белорусской эмиграции в США (например, у Н. Арсеньевой, Я. Золака, В. Клишевича, Р. Крушины, В. Седуро, Я. Юхновца, и др.), выявляется через воссоздание культуры и духовных ценностей родины: автор трепетно описывает

образы белорусской природы, воспроизводит памятные события, описывает свои сны и мечты о возвращении в родной край («Сон», «У думках я часта бываю цяпер у Менску») [7, с. 451]. В стихах проявляется любовь к природе, полям, лесам, людям своей страны (Цикл «Памяць», произведения «Уяўленні», «Зажмурылася восень», «Павуцінкі», произведения из цикла «Памяць») [7, с. 430–452]. Единение с родной землей приносит лирическому герою вдохновение, внутреннюю свободу и теплые душевные эмоции. Радость надежды на будущее, боль от пережитого, тоска по Родине и влюбленность в жизнь переданы в произведении «Лістапад».

Автор показывает красоту своей земли, славит белорусских людей. При всем разнообразии тем, которые затрагивает писатель, присутствует лейтмотив, главная, сквозная тема, которая переходит из книги в книгу, – это тема *Родины*, «мысли о том кусочке земли, где родился, впервые увидел мир, познал первые радости и невзгоды» [4, с. 465]. М. Седнёв посвящает Родине искренние строки, наполненные болью разлуки с ней: *Як мне цябе, радзіма, не хапала! / Якою я згараў журбой! / Пазнаў цябе я надта мала – / я жыў найбольш па-за табой* («Развітанне з Беларусью») [7, с. 419]. Автор стремится выразить многогранный мир своих чувств к родине и признается в любви: *Чым для мяне з'яўляецца Беларусь? Без яе я не мог бы ўявіць сябе як паэта, жыць давялося мне вонках яе, але сама акалічнасць, можа, нават, стымулявала інтэнсіўнасць майго творства ці, лепей – пульс яго, можа быў дзеля гэтага больш напружаным* [8, с. 98]. Родная сторона – духовная опора, источник вдохновения и силы духа изгнанника на чужбине.

Образ родины/дома, которую прославляет автор, обнаруживает себя в ряде текстов. Важной задачей писателя-эмигранта является создание произведений о своей земле, о потерянном доме, а основным художественным принципом его творчества становится постоянное присутствие символов, мотивов, интертекстуальных переключек, связанных с образом родины. Восстанавливается в сознании автора романтизированный, идеализированный, проникнутый ностальгическими переживаниями образ той земли, от которой они были принудительно оторваны. Родная земля воспринимается через яркие пространственные образы и символы природы: дорог, лесов, полей, рек, гор, дождя, а также образы быта и повседневной жизни. Произведения М. Седнёва включают яркий образ-архетип «Дома», в нем воспроизводится особая духовная атмосфера родины, создается многогранный, объемный образ Матери-Беларуси («Жураўлі», «Я душу невыгойна параніў» и др.) [7, с. 474–475].

Воспоминания о родине также переданы через глубокие чувства ностальгии, тоски, вызванные пониманием невозможности вернуться на родину («Развітанне з Беларусью», «Далёкае», «Смутак», «Адзіноцтва», «Памяць», «Я незадаволены самім сабой») [7, с. 386 – 418]. Чужбина предстает как тупик, («*Dead End*»), из которой нет выхода, а механистическая, бездушная цивилизация представлена в произведении «Будуюць дом» [7, с. 432]. Автор просит

прощения у своего сердца за всепоглощающие горестные мысли «Гора» [7, с. 443]. В Америке лирический герой чувствует себя в изоляции, находясь далеко от родины, от земляков, однако находит в себе силы очиститься творческим огнем (сборник «Ачышчэнне агнём»), писать, любить, творить.

Подобно другим авторам белорусской эмиграции в США, насильственный, вынужденный переезд в другую страну воспринимается М. Седнёвым как страшная беда, как духовный апокалипсис, который не должен повториться в жизни грядущих поколений. С эмоциональной силой воссоздаются визуальные образы и восстанавливаются забытые эпизоды белорусской истории, реконструируются забытые события. Жизнь в эмиграции М. Седнёв, как и другие белорусские писатели белорусской эмиграции, воспринимает как вынужденное испытание и важную духовную работу, а оказавшись в изгнании, он продолжал дело высокого служения Родине. Так, автор считает: *Літаратура беларускага замежжжа – гэта, можа, адрозная, але адзіная плынь агульнай беларускай літаратуры і яе, эмігранцкую літаратуру, трэба разглядаць толькі ў гэтым кантэксце* [8, с. 98]. М. Седнёв утверждает: что ... *ёйныя творцы жылі ў тарычэліваеі, калі можна так сказаць, пустаце, у ізаляваным становішчы, ім не хапала свайго наветра, свае атмасферы, гукаў, колераў, паху сваёй зямлі. Яны жылі тым, чым іх надарыла іхняя старая Бацькаўшчына, яны варыліся, як кажучь, у сваім саку, але тым вастрэйшае было адчуванне Бацькаўшчыны. І яшчэ адно – у іх не было чытача. Паэт-эмігрант тварыў для сябе, спавядаў перад самім сабою, шаптаў сваі вершы, як малітвы, жыў надзеяй, што гэтыя малітвы некалі будуць пачутыя, успрынятыя* [8, с. 98].

Художественные поиски М. Седнёва осуществлялись на белорусском языке, а монологизм стал частью его национальной идентификации. Язык для него – не просто средство коммуникации, а инструмент, обеспечивающий доступ к его белорусской культуре и формирующий групповую идентичность. М. Седнёв признается: *А што тычыцца мовы, дык яна была не толькі сродкам, а нечым больш. Душой, лекамі ў найцяжэйшыя часы. Я прыйшоў з ей у гэты свет, нідзе з ёй не разлучаўся, яна была маёй духоўнай спадарожніцай. Мова і я – гэта адно. Без яе няма чалавека* [8, с. 98]. Монологизм творчества писателя подчеркивает тоску по родине, по духовным славянским ценностям. Таким образом, творчество М. Седнёва обращено к историко-культурным и духовным ценностям белорусского народа, раскрывает внутренний мир человека, сложность бытия, важность национальной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов, В. Наследие белорусской эмиграции в современной печати Беларуси и зарубежья / В. Герасимов, Л. Довнар // Книготура. – 2008. – № 50. – С. 158–187.
2. Кіпель, В. Беларусы ў ЗША / В. Кіпель. – Мінск : Кнігазбор, 2017. – 632 с.

3. *Савік, Л.* Пакліканья: літаратура беларускага замежжа /Л. Савік. – Мінск : Тэхналогія. – 2001. – 479 с.
4. *Сачанка, Б.* Пад сузор’ем сярпа і молата: аповесці, апавяданні, запісы розных гадоў / Б. Сачанка. – Мінск : Кітабор, 2016. – 518 с.
5. *Сачанка, Б.* Вяртанне дадому / Б. Сачанка // Туга па радзіме: Паэзія беларускакай эміграцыі. – Мінск : Маст. літ., 1992. – С. 5–8.
6. *Сінькова, Л. Д.* Паміж тэкстам і дыскурсам: беларуская літаратура XX–XXI ст. : Гісторыя, кампаратывістыка і крытыка: літ.-крыт. артыкулы, гутаркі / Л. Д. Сінькова. – Мінск : Паркус плюс, 2013. – 295 с.
7. *Сяднёў, М.* Туга па радзіме: Паэзія беларускакай эміграцыі / М. Сяднёў. – Мінск : Маст. літ., 1992. – С. 294–453.
8. *Сяднёў, М.* Масеева книга: успаміны, старонкі дзённіка, эсэ. – Мінск : Маст. літ., 1994. – 318 с.
9. *Тлостанова, М.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века / М. Тлостанова. – М. : ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. – 399 с.
10. *Mycak, S.* Simple Sentimentality or Specific Narrative Strategy? Nostalgia in the Canadian-Ukrainian Text / S. Mycak // Canuke Literature: Critical Essays. – 2001. – P. 31–48.